

И.А. ГЕРЧИКОВА

(Институт славяноведения РАН, Москва)

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ЧЕШСКИХ ПЕРЕВОДАХ (ЛИБОР ДВОРЖАК)

Abstract:

Gerchikova I.A. *Russian literature in Czech translations (Libor Dvorak)*

The article is devoted to the translations of works of the Russian literature into Czech, the different periods of interpretation in the Czech Russian philology of the 20th — 21centuries. In more details are presented the activities of Libor Dvorak (born in 1948) who is often called as the chief specialist about Russia, his translations of classical and modern Russian literature and also his views as a judge of Russian culture.

Ключевые слова: Русская литература, чешская русистика, литературный перевод, Л. Дворжак, С. Довлатов, восприятие культуры.

Интерес к русской культуре и русскому языку в Чехии имеет давние корни. Еще во времена Национального Возрождения, пытаясь освободиться от германизации культуры, Чехия устремляла взоры к сильному восточному соседу в надежде, что славянское единство поможет сохранить чешский язык и чешскую культуру. Упоение идеями панславизма прошло, однако интерес к русской культуре прочно укоренился в чешском мышлении. В 1927 г. на философском факультете Карлова университета открылась кафедра славистики, после Второй мировой войны в обществе стал ощутим интерес к русскому языку, и уже в 1957 г., когда ЧССР вошла в соцлагерь, на базе кафедры славистики была основана кафедра русского языка. В конце 1960-х годов русистика получила широкое развитие. Заведующие кафедрой менялись, возникали разные программы, славистика переживала и тяжелые времена, особенно в начале 1990-х годов после «бархатной революции», когда произошло отторжение всего русского и советского, что отрицательно сказалось и на интересе к русскому языку. Но ситуация изменилась, и новое поколение студентов в XXI в. не испытывает неприязни к России, связанной с исторической травмой 1968 г., а язык они воспринимают как ключ к интересной культуре или же экономическим возможностям, связанным с крупным рынком.

Сегодня чешская русистика — одна из самых сильных и авторитетных в мире. Есть прекрасные переводчики — Людмила Душкова, Алена Моравкова, Вацлав Данек, Анна Новакова, литературоведы, критики, журналисты. Существуют, конечно, и чешские авторы, которые стремятся, якобы, раскрыть русскую душу и культурные особенности нашей страны, но на самом деле такие журналисты, политики, как Яромир

Штетина, Петра Прохазкова, Давид Штяглавский, представляя Россию с неприязнью и в самом неприглядном виде, стремятся внушить чешскому читателю, что Россия обречена, ее можно только презирать, а братства и взаимопонимания славянских народов не было и нет¹. Надо сказать, однако, что не эти авторы определяют лицо чешской культуры и не они говорят об отношениях между нашими странами.

Чешское восприятие русской литературы, включающее в себя художественные переводы, читательский интерес, литературную критику и вообще рецепцию со стороны всей культурной среды, пережило в своем развитии в течение XX в. несколько этапов. Их особенности всегда отражали актуальное состояние культурных связей чешского и русского народов и, конечно, актуальную культурно-политическую обстановку, представляющую собой основу и рамки формирующегося русско-чешского межкультурного диалога. Менялся интерес к разным жанровым, тематическим, стилистическим, семантическим и художественным ценностям русской литературы и менялось количество названий отдельных издаваемых артефактов последней. Именно поэтому нельзя сказать, что повторяющиеся массовые издания определенной книги всегда соответствовали ее художественному значению и ценностному вкладу в межкультурный диалог.

Обоснованным представляется мнение чешского слависта, крупнейшего специалиста по русской литературе Олдржиха Рихтерека (род. 1940 г.), который выделяет минимально четыре основных периода, представляющих собой исходные платформы чешской рецепции и интерпретации русской литературы в течение XX века².

Начальный период представлял собой первые переводы и издания русской классики, начиная с середины XIX в. Отношение чехов к русской литературе и культуре базируется на предшествующих традициях русофильства и уже существующей большой популярности русской классической литературы XIX в. Эта популярность подпитывалась не только многочисленными чешскими изданиями произведений всех корифеев русской классики (А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова), однако, известными были и такие писатели, как И.А. Гончаров, А.Н. Островский, В.М. Гаршин, В.Г. Короленко, Н.С. Лесков и др. Были также и театральные постановки, рецензии и критические отклики. Следующий период — между двумя войнами (1920–1939) — был отмечен присутствием в Чехословакии русской эмиграции после 1917 г. и “левой” ориентацией, значительным интересом чехов к развитию новой русской послереволюционной литературы и культуры. Третий период после 1945 г. характеризовался вначале повышенным вниманием ко всему русскому в

связи с решающим участием советских солдат в освобождении тогдашней Чехословакии, а позднее ограничением круга произведений русской литературы, вызванным идейной и политической тенденциозностью. Постепенно возникало и недоверие ко всему русскому, к современной русской культуре: Рихтерек отмечает, что немалая часть переводов книг советских авторов, издававшихся массовым тиражом в качестве образцов социалистического реализма и распределявшихся по библиотекам и книжным магазинам, лежала часто невостребованной читателями.

Четвертый этап начинается с 1990-х годов, который Рихтерек называет периодом “великого распада”, но также и временем перелома и поисков подлинных и естественных контактов. Они нужны, считает чешский русист, не только для того, чтобы найти ориентиры в обстановке меняющейся иерархии традиционных ценностей — от поддержки традиционных культурных связей до порицания всего русского. Они нужны для естественного и объективного возобновления диалога русской и чешской культур, основанного на более глубоком взаимопознании с учетом национального своеобразия каждой из них. Опыт 1990-х годов показал, что контакты чешской культуры с русской являются естественной потребностью, вытекающей из открытого общения каждой “зрелой” национальной культуры с лучшими культурами всего человечества. Хотя в чешском обществе появился заметный критицизм в отношении всего русского, представляющий собой стихийную реакцию на возникшую возможность свободного мышления и поведения и отражающий стремление отделиться от предыдущего историко-политического этапа, ожидания некоторых скептиков, что русские артефакты теперь на долгое время исчезнут из чешской культурной среды, не оправдались. Накануне третьего тысячелетия появились некоторые новые издания (или переиздания старых) переводов произведений авторов, которых можно отнести к золотому фонду русской культуры. Они доказывают не только «устойчивость чешского восприятия настоящих ценностей, но также высокую актуальность художественного и общечеловеческого значения данных произведений в атмосфере поисков баланса на переломе столетий»³.

Говоря о сегодняшнем времени, которое было 1990-ми годами подготовлено, можно отметить прямо-таки «переводческий бум». Вообще же, например, в 2014 г. на книжных рынках зарубежных стран оказались востребованными такие классики отечественной литературы, как М.Ю. Лермонтов, И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский. Из современных писателей — Людмила Петрушевская, Елена Чижова, Сергей Лебедев, Захар Прилепин и др. Что касается именно Чехии, то 20 марта 2015 г. в Российском центре науки и культуры в Праге состоялась церемония торжественного открытия Года чешской русистики. Там, в частности,

отмечалось, что только за последние несколько лет вышли новые переводы романов «Война и мир» Толстого (2010) и «Братья Карамазовы» Достоевского (2013) — обе книги чешского издательства «Одеон» в переводе Либора Дворжака.

Либора Дворжака часто называют главным специалистом по России в Чехии. Русист, переводчик русской классической и современной литературы, комментатор чешского телевидения и радио, специализирующийся на политической обстановке в странах постсоветского пространства. Он посвятил изучению русской культуры всю свою жизнь, и сегодня за будущее России переживает очень искренне. Родился он в 1948 г. в семье высокопоставленного дипломатического деятеля Рихарда Дворжака. В 1974 г. окончил философский факультет Пражского (Карлова) университета, в 1974–1991 гг. работал в редакции журнала «Советская литература». С 1992 г. начал журналистскую деятельность на чешском телевидении и радио, а с конца 1970-х годов обратился к переводческой деятельности, к произведениям Стругацких, Есина, Курчаткина, Нагибина, Ткаченко, Ерофеева, Сорокина, Пелевина, Довлатова, Булгакова, Бунина, Чехова, Толстого, Гоголя, Достоевского. Дворжак также занимался русской ненормативной лексикой. Помимо переводов он — автор книг «Новая Россия» («Nové Rusko») и цикла, состоящего из трех частей: «Эй, чувак» («Ej, čuvak!», 1995), «Шуткопис» (Šutkopis, 1996), «Ленин в Ечный» («Lenin je v Ječný, 1997). Так что диапазон его интересов весьма широк, а опыт уникален. В 2010 г. за перевод романа В. Сорокина «День опричника» Л. Дворжак был удостоен награды Союза переводчиков Чехии — премии Йозефа Юнгмана. Он часто выступает на радио, в прессе и является одним из самых тонких знатоков русского языка и «русской души». Перевел около 90 книг, в основном с русского (за исключением двух переводов с английского).

Примечательно, что «путь к России» Л. Дворжака был в каком-то смысле предопределен. Отец будущего русиста работал в Москве послом тогда социалистической Чехословакии. Как-то летом Либор провел шесть недель в легендарном пионерском лагере «Артек». А с 1959 г. по 1963 г. Либор с братом Миланом (ныне также известным переводчиком) учились в 136-й московской школе. Любимым предметом братьев Дворжаков стала русская литература — классика в те годы изучалась основательно. Сегодня, бывая в командировках в Москве, Либор прогуливается в районе той своей школы. Воспоминания об учебе у него вполне приятные. Когда семья вернулась в Чехословакию, Либор продолжил обучение в сельскохозяйственном техникуме. Но поразмыслив, связывать свою жизнь с агрономией не стал. Он прекрасно говорил на русском языке и обладал хорошими знаниями в области гуманитарных наук. В 1968 г. Л. Дворжак

поступил на философский факультет Пражского университета (специальность «Философия. Русский язык»). Именно в год поступления он тяжело переживал события, как и большинство чехов, воспринявших «братскую помощь» как оккупацию и с того момента видевших в СССР, России врага. Русский язык был тогда в ЧССР обязательным предметом с четвертого класса, что вызывало, как правило, недоумение и даже отвращение. В тот момент переводчик как раз определился с тем, что будет изучать в университете, и до сих пор постоянно вспоминает слова своей учительницы Эвы Боучковой, которая вскоре после того, как русские войска оказались на территории Праги, сказала студентам: «Отдавайте себе отчет в том, что русская литература и русская культура за это ответственности не несут, это абсолютно противоречит их сути, духу»⁴. То же самое Дворжак продолжает повторять себе и теперь, так как периодически вспоминается печальный опыт 45-летней давности. И он, как обычный человек, просто остается при своем и продолжает заниматься своим делом. В переводческую профессию он попал стихийно, но не случайно. Все оказалось взаимосвязано: по окончании университета начал работать в журнале «Советская литература», где переводческая деятельность была частью его обязанностей. Вначале он занимался редактурой. Журнал не выпускался на русском языке, но это была часть советской пропаганды. Савва Дангулов, первый шеф-редактор, был скорее дипломатом, нежели писателем, и благодаря ему, помимо прочих идеологизированных материалов, в «Советскую литературу» попадали и произведения таких писателей, как В. Шукшин, В. Быков, В. Белов, В. Распутин. Их разрешали выпускать и в советское время, но в журнале могли оказаться и произведения, которые с точки зрения советских властей были спорными. Журнал в России не выходил, цензура, соответственно, была не так строга.

Вначале Дворжак переводил современную литературу. Его сердцу она вообще оказалась ближе. Но в последние 10 лет он стал переводить и классику. Следует отметить, что новые переводы литературы в Чехии необходимы. Ведь чешский литературный язык намного моложе русского, английского или немецкого. Он постоянно развивается, и переводы быстро устаревают. Принято правило: каждые 25–30 лет обновлять переводы золотого фонда зарубежной литературы. Из классики Дворжак вначале перевел короткие рассказы Чехова, затем, по совету дочери Ивы (тоже русиста и переводчика), — бунинские «Окаянные дни». А потом удалось воплотить студенческую мечту — перевести «Мастера и Маргариту» М. Булгакова. С образцовым переводом этого произведения Алены Моравковой Либор Дворжак всегда «спорил». По поводу перевода «Войны и мира» он говорит, что канонический чешский перевод романа Толстого очень хорош. Но ему более полувека, что слишком много — сегодня его

трудно читать. Он чувствовал, что нужно что-то сделать с этим «несчастливым французским». В тексте переводчик оставил только так называемые сигналы французского, а сами французские фразы перевел, сопроводив сносками, отсылающими к расположенным в конце книги оригинальным фразам. Читателям канонического перевода было неудобно постоянно обращаться к примечаниям в конце книги. Дворжак свидетельствует, как многие ему признались, что именно по этой причине не дочитали роман до конца. Новый перевод получил очень хороший читательский отклик, а вот академические русисты Либора Дворжака недолюбливают. Он пытался обосновать свое решение, но как-то на семинаре в Ясной Поляне его, по собственному признанию даже чуть не убили⁵.

При всем пиетете по отношению к Толстому и Достоевскому, философия современных российских писателей оказалась Дворжаку понятна и интересна. «Невообразимо близким» переводчик называет Сергея Довлатова (1941–1990) — своего любимого автора. Услышав однажды, как он читает на Радио «Свобода» свою прозу, Дворжак решил, что обязательно должен познакомить с ней чешских читателей.

Первым переводом Довлатова в Чехии, сделанным Дворжаком, была состоящая из четырнадцати самостоятельных эпизодов повесть «Зона» (1982), вышедшая в Праге в 1998 г.⁶ Перевод «Чемодана» (1986) вышел на чешском в 1999 г. Хотя книги Довлатова переведены на многие языки мира (еще при жизни писателя на немецкий, датский, шведский, финский, японский), переводить этого автора не просто. Его произведения характеризуются особым вниманием к слову, слову прежде всего разговорному, емкому и исчерпывающему, экспрессивностью языка, насыщенностью самыми разнообразными реалиями (общественной, политической и культурной жизни), аллюзиями (к явлениям в литературе, истории, кино и т.п.) и цитатами, использованием разговорной, сниженной, сленговой и ненормативной лексики, образной фразеологии и идиоматики. «Наверное, это в нем было самое поразительное — интуитивное, звериное чувство языка и стиля», — утверждал российский и американский журналист и писатель Петр Вайль⁷. Художественная мысль Довлатова при видимой парадоксальности, обоснованной жизненным опытом, проста и благородна: рассказать, как странно живут люди, — то печально смеясь, то смешно печалься. Как быть переводчику, который вынужден выбирать, какой аспект текста выделять в своих переводах? Надо постараться переводить таким образом, чтобы читатель так же смеялся и переживал, как смеется и переживает русский читатель. Одновременно надо в переводе отразить жесткие условия, которые ставил сам себе писатель при написании рассказа. Например, то, что в одной фразе не могут быть два слова, начинающиеся с одной и той же буквы. Вот что Бродский сказал в годовщину смерти Довлатова: «...Все

обходится благополучно, если писатель — просто повествователь, рассказывающий истории, случаи из жизни и т.п. Из такого повествования всегда можно выкинуть кусок, подрезать фабулу, переставить события, изменить имена героев и место действия. Если же писатель — стилист, неизбежна катастрофа: не только с его произведениями, но и житейская»⁸. Эту цитату приводит и Дворжак в чешском издании довлатовского сборника рассказов «Чемодан». Он здесь автор и перевода, и предисловия, и послесловия под названием «Нежный варвар по-русски»⁹. Следует отметить, что название послесловия отсылает читателя к новелле 1981 г. «Нежный варвар» («*Nežný barbar*») выдающегося чешского автора Б. Грабала о жизни чешского художника В. Боудника, дружбе трех аутсайдеров и воссоздающей атмосферу пражской окраины начала 1950-х годов. Вообще сопоставление Довлатова и Грабала, автора, балансировавшего между почти противоположными позициями литературного творчества, между сюрреализмом и рассказами за кружкой пива, между официальной культурой и культурой самиздата, явно ждет своего исследователя.

Итак, Довлатов был замечательным стилистом. Рассказы его держатся более всего на ритме фразы, на особой музыкальности авторской речи. Это скорее пение, чем повествование, и возможность собеседника для человека с таким голосом и слухом, возможность дуэта — большая редкость, как опять-таки отмечал Бродский¹⁰. Чешский язык при переводе с русского более емкий, русский — более «многословный». Дворжак старается передать именно довлатовские стиль и мелодику, порой даже выдумывая слова, растягивая фразу. При сравнении некоторых пассажей в «Чемодане» чешский текст оказывается длиннее. Сравним у Довлатова:

«Я растерялся. Я не был готов к такой постановке вопроса. Уж лучше бы она спросила: Ты гений? Я бы ответил спокойно и положительно»¹¹. И перевод Дворжака: «*Pozdravili jsme se. Zeptala se mě: Prý se z tebe stal spisovatel? Zarazilo mě to. Líp by bývala udělala kdyby se mě otázala Ty jsi genius? V takovém případě bych odpověděl klidně a kladně*»¹².

В основном Дворжак соблюдает семантико-стилистическую и функциональную эквивалентность оригиналу.

«Когда-то я довольно много пил. И, соответственно, болтался где попало. Из-за этого многие думали, что я общительный. Хотя стоило мне протрезветь — и общительности как не бывало»¹³.

И абсолютно дословный и точный перевод Дворжака:

«*Kdysi jsem poměrně dost pil. Takže jsem se potloukal po všech čertech. Díky tomu si mnozí mysleli že jsem společenský. Jenže stačilo abych vystřížlivěl, a bylo po společenskosti*»¹⁴.

В какие-то моменты переводчик весьма удачно меняет порядок слов или добавляет пунктуацию.

«Три вещи может сделать женщина для русского писателя. Она может кормить его. Она может искренне поверить в его гениальность. И наконец, женщина может оставить его в покое. Кстати, третье не исключает второго и первого»¹⁵. У Дворжака на первом месте русский писатель: «Pro ruského spisovatele může žena udělat tři věci. Může ho živit. Může upřímně uvěřit v jeho genialitu. A nakonec ho může prostě nechat na pokoji. Mimochodem třetí eventualita rozhodně nevyklučuje ani první, ani druhou»¹⁶.

Беспорно, Дворжак виртуозно владеет ненормативной лексикой (недаром он — автор специального словаря «Эй, чувак»¹⁷). Иногда, впрочем, встречаются примеры неоправданной неточности («Так что все законно»¹⁸ у Довлатова — «Takže je všechno v pořádku»¹⁹ («все в порядке») у Дворжака. Или «слаборазвитое государство»²⁰ у Довлатова становится «rozvojová země»²¹ («развивающейся страной»). Но такие мелочи не носят принципиального характера.

Есть много различий в языках, много различий существует и между нашими народами. Кроме речевых особенностей есть еще различия, которые мешают установить дружеские взаимоотношения, даже если забыть про 1968 год. В одном из интервью Дворжак сказал: «Для меня является ценной та настоящая русская культура, которая возникает сегодня, и мне приятно, что в своем направлении — деятельности переводчика — я могу заниматься переводом как тех авторов, о которых я упомянул, так и русских классиков. Повторюсь: несмотря на все политические обстоятельства, Россия именно своему потрясающему культурному богатству обязана тем, что ее воспринимают, прежде всего, как носительницу действительно ценного наследия, а не просто как неустанно подвергающуюся нападкам со стороны великую державу. Уильям Фолкнер когда-то сказал: «Из всех классических литератур, русская, пожалуй, самая великая»²².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подробнее об этом: *Герчикова И.* Современная Россия глазами чехов // Россия и русский человек в восприятии славянских народов. М., 2014. С. 411–420.

² *Richterek O.* K súčasnej české literárnej reflexii. Zborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského, Philologica LXIV. Bratislava, 2008. S. 23–30.

³ *Волкова Н.* Русский язык в Чехии вчера и сегодня. Электронный ресурс «Пражский телеграф» № 14. 2013. Режим доступа <http://ptel.cz/2013/04/russkij-jazyk-v-chexii-vchera-i-segodnya/> (дата обращения 1.06.2016 г.).

⁴ *Дворжак Л.* Жизнь с Россией. Электронный ресурс «Чехия сегодня» 25.08.2012. Режим доступа <http://www.czechtoday.eu/druge/libor-dvorzhak-zhizn-s-rossiey.html> (дата обращения 10.03.2017 г.).

⁵ Там же.

⁶ *Dovlatov S.* Lágr. Praha, 1998.

⁷ *Вайль П.* Без Довлатова // Звезда. 1994. № 3. С. 20.

- ⁸ *Бродский И.* Труды и дни. М., 1998. С. 72–73.
- ⁹ *Dovlatov S.* Kufř. Praha, 1999. S. 148.
- ¹⁰ *Бродский И.* О Сереже Довлатове // Звезда. 1992. № 2.
- ¹¹ *Довлатов С.* Собр. соч.: в 3-х т. Т. 2 СПб., 1993. С. 302.
- ¹² *Dovlatov S.* Kufř... S. 88.
- ¹³ *Довлатов С.* Собр. соч... С. 306.
- ¹⁴ *Dovlatov S.* Kufř... S. 94.
- ¹⁵ *Довлатов С.* Собр. соч... С. 312.
- ¹⁶ *Dovlatov S.* Kufř... S. 102.
- ¹⁷ *Dvořák L.* Ej, čuvak! Praha, 1995. Данный словарь является первой частью цикла (2 часть «Шуткопис» (Šutkopis, 1996), 3 часть «Ленин в Ечный» («Lenin je v Ječný, 1997)).
- ¹⁸ *Довлатов С.* Собр. соч... С. 340.
- ¹⁹ *Dovlatov S.* Kufř... S.140.
- ²⁰ *Довлатов С.* Собр. соч... С. 258.
- ²¹ *Dovlatov S.* Kufř... S. 23.
- ²² *Дворжак Л.* Россия — носитель ценнейшего культурного наследия. Электронный ресурс «Пражский телеграф» № 11. 2013. Режим доступа <http://www.ptel.cz/2014/03/libor-dvorzhak-rossiya-nositel-cennejshego-kulturnogo-naslediya/> (дата обращения 10.03.2017 г.).